

В ПУТИ необходимо порой остановиться, оглянуться, чтобы осмыслить то, что осталось позади, чтобы лучше видеть перспективу.

Уходит в историю 1986-й, год XXVII съезда партии, год, ставший поистине переломным для нашей страны, вместивший в себя так много событий, что по естественности он, пожалуй, стоит многих лет.

Обо всем об этом беседуют с корреспондентом «Зари Востока» бригадир и член парткома Тбилисского авиационного производственного объединения им. Димитрова, делегат XXVII съезда Компартии Грузии Гиви КИТАИШВИЛИ и народный артист СССР, лауреат Ленинской премии композитор Отар ТАКТАКИШВИЛИ.

ЖУРНАЛИСТ: — Думаю, двух мнений быть не может: вершинным событием уходящего года стал съезд нашей партии, не только наметивший программу грандиозных преобразований в стране, но и подвинувший каждого из нас на принципиально иное отношение к своим гражданским обязанностям, на иную степень человеческого участия в делах государственной важности.

Есть такое выражение — «знамение времени». Что, на ваш взгляд, стало знаменем первого года двенадцатой пятилетки?

Г. КИТАИШВИЛИ: — Твердый курс на укрепление дисциплины в стране. Ведь признаем, положили руку на сердце: разболтанности, расхлябанности в нашей жизни оказалось предостаточно. Я уже не беру крайние их проявления, но даже и по мелочам мы как-то поприжились к отсутствию порядка.

У меня в бригаде 25 человек. Случается, подойдет кто-либо отпрашиваться с работы: на свадьбу ли, на похороны съездить в деревню или по бытовым делам. Ну, отпустишь — как не отпустить? Смотришь — другой идет с такой же просьбой. А там и третий... Третьему говоришь: «Нет, хватит, надо работать». А он в ответ: «А почему тех отпустил? Я что, виноват, что мой родственник на две недели позже женится, чем их родственники?»

Я понимаю: мы, грузины, любим и ценим свою родню, но почему же получилось так, что очень многие стали смешивать личное с общественным? Родственников обидеть невниманием боясь, а о том, что государство остается внакладе из-за этого, как-то не думаем. Или думаем примерно так: «Ну что с того, что я денек-другой пропущу, не выйду на работу? На заводе тысячи работающих, а в стране — тысячи заводов. Велю ли беда?»

Беспорядок — он ведь с чего рождается? С малого — с отсутствия требовательности прежде всего к себе. А там уж, как говорится, пошло-поехало... Одно пьянство сколько нанесло ущерба — и экономического, и социального. Что из того, что у нас нет очередей в винно-водочных магазинах? Разве это автоматически означает, что у нас нет пьянства? И то, что мы сейчас крепко взялись за эту проблему, очень правильно — больше порядка будет. А от этого и экономика выиграет, и нравственная атмосфера станет чище.

Мне лично очень близка именно эта линия партии — нацеленность на крепкую дисциплину. По собственному опыту знаю, чего можно достичь с ее помощью.

Приведу пример из нашей заводской жизни.

Цех, где я работаю, долгое время отставал среди заготовительных цехов. В самом начале этого года начальником здесь стал Сандро Циклаури. Всего девять лет назад он окончил экономический факультет ТГУ, работал на другом участке и, видно, хорошо, коли его «бросили на прорыв». И вот сразу же при новом начальнике пошли наши дела совсем иначе: полгода цех занимал классные — первое, второе, третье — места в соревновании. Как удалось этого добиться? Повышением требовательности, жестким спросом с каждого, ежедневным контролем за сделанным на утренних и вечерних, очень, кстати, коротких планерках. Правда, кончилось это тем, что Циклаури выдвинули заместителем начальника производства завода, а его прежнее место занял заместитель. Дела у нас сейчас идут хорошо, вот только классных мест в соревновании что-то уже не занимаем...

К чему я это говорю? А к тому, что все начинается с дисциплины — и на производстве, и в семье, и в общественных местах... Хорошо, что мы, наконец, это поняли и взялись за наведение порядка.

Говорят, большое видится на расстоянии: пройдет какое-то время, и мы лучше поймем, осознаем, чем явился в истории нашей страны год 1986-й. Но и сегодня можно без преувеличения сказать, что год XXVII съезда партии для нашего общества стал поистине революционным во всех отношениях.

Ну, а в личном плане уходящий год мне памятен еще и тем, что в 1986-м исполнилось тридцать лет моей работы на заводе.

О. ТАКТАКИШВИЛИ: — Для меня нынешний год дорог прежде всего нашим приближением к правде. Понимаете, неправда не всегда возникает там, где есть явная ложь: неправда — это ведь и неполная правда тоже. Правды не может быть, скажем, семь восьмых или девяносто процентов. Правда — или она есть, или ее нет. А мы очень долго делили правду на выгодную нам и невыгодную, неудобную, постыдную. О первой говорили вслух, а вторую замалчивали.

Это я сейчас, чтобы лучше донести свою

мысль, говорю «первая», «вторая» правда. А правда ведь одна, порядковых номеров у нее нет и быть не может. И когда на длительный срок правда подменяется полуправдой, то тут уже неизбежны серьезные деформации сознания.

Не может не радовать, что сейчас мы начинаем, наконец, говорить правду. Обидно только, что не всегда...

Коснусь тех сфер, которые мне ближе.

В этом году состоялись съезды творческих союзов — и это тоже отрадно, это тоже знамение времени: я имею в виду, как они прошли. Хотя, если откровенно, то съезд композиторов страны вызвал у меня чувство глубокой неудовлетворенности. Не сумели мы быть до конца честными, открыто сказать о собственных болячках, так как это сделали писатели, кинематографисты. На съезде писателей была произведена глубокая резка своих недостатков, и именно потому, я считаю, он вызвал такой общественный резонанс, такой жгучий интерес широкой общественности, а отнюдь не только литераторов. Многие наши болевые точки были затронуты в выступлениях Бориса Олейника, Василия Быкова, Дмитрия Лихачева... Такая открытость обсуждения, такая высшая степень откровен-

ности составило свое выступление не так умело, как это сделал бы записной оратор. Так что лично мне кажется, что эта наша приверженность непременно помогать каждому выступающему с трибуны написать свою речь, маскирует не что иное, как некоторое недоверие к тем, кто просит слова. Это, на мой взгляд, привычка от прошлых времен, и в сегодняшней нашей жизни она никак не вписывается...

О. ТАКТАКИШВИЛИ: — В последней четверти двадцатого столетия психологический уклад жизни людей очень заметно изменился. Например, под влиянием угрозы атомной войны. И изменился прежде всего у молодежи.

Мне приходилось ездить по миру, и я стал кивать с отсутствием веры в будущее у молодежи, боязью ранней смерти, отъединенностью друг от друга, тягой к гедонизму — тут и наркомания, и половая распущенность, и многое другое. Было бы неправдой утверждать, что эти процессы в какой-то мере не коснулись и нашей молодежи, определенной ее части.

Вот почему, обозначая, как вы выразились, знамение времени, вспоминая главные вехи года, мы, как мне кажется, не имеем права не вспомнить о том, какие поистине титани-

чески держал соблазнов, срастался с дельцами. И мы, выходит, виноваты — за десятилетие не распознали сущность человека. Но в том-то и дело, что в нашем коллективе он был дру-

жим... Весной этого года мы, заводчане, рекомендовали заместителя секретаря парткома Зураба Зурабишвили на должность генерального директора Тбилисского таксомоторного объединения. Ушел от нас, считаем, надежный человек, хороший организатор — так нужно было в интересах дела, проявлять в этом вопросе узковедомственный подход, считая, негоже. Как, впрочем, и во всех иных вопросах.

В решении парткома мы записали: «Заслушать отчет генерального директора таксомоторного объединения в первом квартале 1987 года». Хотим проконтролировать, как посланец заводской парторганизации работает на ниве сервиса, что успел сделать, а что нет и почему. Не секрет ведь, что этот участок работы очень сложный из-за своей порочности негативными явлениями: известно и как зачисляли водителей такси в штат, и какая здесь система поборов бытует, и многое другое.

Но и наметившиеся за последнее время положительные моменты в борьбе с частнособственнической психологией нельзя не заметить: как перестали считаться престижными пышные застолья, закатываемые еще не так давно разного рода толстосумами, так стало непрестижным и выпивать собственное богатство, афишировать «умение жить». Дельцам и комбинаторам попржижали хвосты, вот они и ступевались. Однако зло надо корчевать с корнем, а не довольствоваться тем, что попряталось оно по темным углам. Так что, я считаю, борьбу со всем тем, что нам мешает, надо вести по нарастающей. А в том, что это так и будет, убеждают нас прошедшие и предстоящие судебные процессы над расхитителями и мздоимцами, занимавшими весьма высокие посты: уж если им не удалось обойти закон, то и комбинаторов меньшего масштаба мы непременно выведем на чистую воду.

О. ТАКТАКИШВИЛИ: — Прежде всего надо менять в корне нашу экономику. Отрадно, что мы, наконец, серьезно взялись за эту работу. Но она самым тесным образом сопряжена с процессом нравственно-политического очищения: слишком много развилось таких, которые успели наворовать. Разбогатев отнюдь не трудовым путем, эти недочеловеки своим растлевающим примером обесценивают в глазах людей не очень морально стойких и трудовые заработки, и такие вечные ценности, как порядочность, честь, благородство.

Беда еще и в том, что институт наставников претерпел изменения не в лучшую сторону. Я помню наших учителей: это были люди чистые, увлеченные идеей, хотя жили они, мягко говоря, весьма скромно. Впрочем тогда большинство так жило. Не было и в помине такого явления, как репетиторство, т. е. не было денег между учителем и учеником. Не было и моды на высшее образование, бума вокруг вузов. А ныне это уродливое явление, увы, весьма распространено, диплом о высшем образовании для многих стал одним из знаков престижности, не более. Отсюда и засилье весьма посредственных специалистов, дилетантов в своем деле, о чем я уже говорил.

А такое дикое явление, как корыстолюбие? Совесть для многих стала пустым звуком, фикцией — мы находим немало подтверждений этому в повседневной жизни. В чем истоки этого явления? Как нейтрализовать его вирусы? На эти вопросы, видимо, и ученым-обществоведам, а также экономистам надо интенсивнее искать ответы.

Или взять хотя бы вопрос многодетных семей. На селе еще куда ни шло, жизнь «на земле» все же полечиле, ну а представьте супружескую пару горожан, у которых четверо-пятеро, а то и больше детей. Как прожить такой семье на зарплату? Об этом прежде мы как-то не думали, точнее, старались не думать. Хочется надеяться, что сейчас новый Закон об индивидуальной трудовой деятельности даст возможность каждому желающему добывать дополнительные средства.

Словом, очень много проблем стоит перед нами, проблем сложнейших, и решать их надо не последовательно, а одновременно — в этом тоже состоит дополнительная трудность.

Я сейчас бегло коснулся лишь некоторых из наших болячек, если дозволено так сказать. Но мне бы не хотелось, чтобы разговор о том, чем стал для всех нас год, с которым мы прощаемся, свелся бы только к перечислению ошибок, трудностей, недоработок, словом, разного рода узких мест, которых — чего греха таить? — в нашей жизни еще предостаточно. Но при всем при том самое главное — и не будем забывать об этом в преддверии Нового года — это то, что сейчас в нашем обществе идет перестройка, начатая XXVII съездом партии.

Я оптимист. Всегда верил и верю в человечность, порядочность, доброту, благородство. А развернувшаяся сейчас большая работа по нравственному и экономическому обновлению нашей жизни рождает надежду на лучшее будущее. С этой надеждой, думаю, наш народ и вступает в Новый, 1987-й, год, год 70-летия Великого Октября.

Беседу записала Ирина ИНОВЕЛИ.

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ НАДЕЖД

Откровенный разговор на исходе года о том, как мы его прожили и как собираемся жить дальше.

ности не могут не радовать, не обнадеживать. Но и обидно: а почему композиторы так не смогли?

Нельзя отрицать, что наметившееся в недалеком прошлом в нашем обществе известное падение нравственности наряду с другими причинами может быть объяснено и тем, что люди перестали слушать музыку, слишком многие просто не слышат ее. На симфонические и камерные концерты ходит горстка одних и тех же слушателей. Мало ходят на оперный театр. Огромное наследие мировой классики попросту «не работает». Обидно и за нашу грузинскую музыкальную школу, успехи которой общепризнаны, что, к примеру, подтверждает присвоение звания Героя Социалистического Труда Андрею Баланидзе, присуждение Государственной премии СССР Сулхану Насидзе. Но, повторяю, на концерты серьезной музыки люди перестают ходить. Это в известной степени объясняется плохой пропагандой музыки, что, в свою очередь, не может не сказываться отрицательно на общем уровне культуры. А отсюда — формирование посредственности, засилье дилетантов во всех сферах деятельности, засилье дипломированных непрофессионалов, мало что понимающих и умеющих в своем деле.

Или взять другую проблему, тоже очень остро, на мой взгляд, стоящую: у нас слишком много появилось администраторов от культуры. Увы, таких, как Луначарский, нет, это в нем счастливо сочетались недюжинные организаторские способности с эрудитской талантливой критикой, литературоведом, искусствоведом. Можно только приветствовать, что во главе недавно созданного Фонда культуры (тоже ведь знамение времени!) встал такой выдающийся во всех отношениях человек, как Дмитрий Сергеевич Лихачев. Но пример этот, увы, едва ли не единичен.

Вступил на путь правды, мы должны пойти по нему до конца. Только при этом усложним мы следим с перестройкой.

ЖУРНАЛИСТ: — Давайте воспользуемся тем, что нынче нет запретных тем для обсуждения и скажем о том, о чем каждый из вас год назад, быть может, предпочел бы промолчать.

Г. КИТАИШВИЛИ: — Я скажу вот о чем: нужно больше доверять человеку, выступающему с трибуны.

Поясню свою мысль.

На XXVII съезде Компартии республики, слушая выступления иных делегатов, я порой ловил себя на мысли, что замечаю как бы инородные места в их речах. Нет, конечно, они могли бы высказаться по конкретному вопросу, но — иными словами, иначе, по-своему.

Мне выпала честь выступить на прошедшей накануне съезда отчетно-выборной конференции Тбилисской городской партийной организации. Потому знаю, что мое выступление предварительно редактировалось. Честно признаюсь: это меня покорило. Ведь если сочли нужным дать мне слово, то пусть это слово будет действительно целиком и полностью мое, пусть я скажу то, что меня просили товарищи из нашей заводской партийной организации. Понимаю: редактируются выступления зачастую из самых лучших побуждений. Но если делегату есть что сказать, он все равно скажет, хотя, безусловно,

ческие усилия были предприняты нашей страной для того, чтобы отстоять мир на Земле, не дать разгореться ядерному пожару. Думаю, Рейган повел себя на переговорах в Рейкьявике прежде всего неблагородно по отношению к советскому народу, который больше всех других народов пострадал во второй мировой войне, отразившейся, помимо всего прочего, и на нашей экономике. Государственный деятель такого ранга, как Рейган, должен был все это учитывать и делать шаг навстречу, а не в сторону. Но Женева и Рейкьявик — это еще не точка в переговорах, они должны быть продолжены, ведь речь идет, по сути, о судьбе всего человечества.

Так вот что я хотел бы сказать в связи с угрозой ядерной войны.

Искусство должно нести людям надежду, а не нагромождение ужасов, оно должно рождать веру, а не безысходность. А у нас порой появляются произведения именно давящие на психику людей. Хочу, чтобы меня правильно поняли: я не против трагедии, как жанра, я — за. Но я за такую трагедию, которая возвышает, а не раздвигает человека. Скажем, фильм Ларисы Шепитько «Восхождение», снятый по повести Василия Быкова, это произведение очищающее, светлое, несмотря на весь свой трагизм. Но есть, к сожалению, и другого рода произведения: художественности мало, зато страхов, ужасов — предостаточно. Только ведь если искусство в содружестве с политикой будет унетать человеческую душу, то потери наши, нравственные потери, станут еще большими.

ЖУРНАЛИСТ: — Завершающийся год был отмечен, помимо всего прочего, и рядом серьезных разоблачений как в стране, так и у нас в республике. Что, на ваш взгляд, мы должны предпринять, чтобы подобное не повторилось в будущем?

Г. КИТАИШВИЛИ: — Это трудный вопрос, на который так сразу не ответишь. Как подбирать кадры? Как распознавать, где честный человек, а где корыстолюбец?

Сейчас считают, что надо при выдвижении кадров руководствоваться мнением трудового коллектива. Ну, во-первых, трудовые коллективы тоже бывают разные, иные сами поражаются нездоровыми устремлениями. А, бывает, что и нравственно здоровый коллектив ошибается...

Я сейчас расскажу невыгодную для нас правду, хорошо бы об этом забыть, но как забудешь то, что было?

В конце 70-х годов — я был тогда заместителем секретаря партбюро цеха — меня вызвали на расширенное заседание парткома предприятия. На том заседании было решено выдвинуть от нашего коллектива на должность директора «АвтоВАЗцентра» Гурама Хазарадзе. Он у нас на заводе работал лет 10—12, начинал как инженер, потом был избран заместителем секретаря парткома. Знали мы его как энергичного, толкового специалиста, честного человека. Кого же, как не его рекомендовать на руководящую должность в сфере обслуживания, которая — всем это было известно — сильно поражена негативными явлениями?

И что же? Прошло несколько лет, и директор «АвтоВАЗцентра» угодил за решетку за свои преступления. Корысть свалила человека, не вы-